

Ethnic identity and peculiarities of coping behavior of people from interethnic marriages

S. A. Trifonova¹, V. V. Kozlov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-256-267

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of self-identification, ethnic identity and peculiarities of the transformation of ethnic identity among people from inter-ethnic marriages (Russian-Tatar families). A socio-psychological analysis of the specifics of coping behavior strategies among immigrants from families of ethnically mixed families, as well as immigrants from Russian and Tatar families is given.

Keywords: self-identification; ethnic identity; transformation of ethnic identity; marginality; coping behavior

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Kozlov, Vladimir V. | E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor

Этническая идентичность и особенности совладающего поведения выходцев из межэтнических браков

С. А. Трифонова¹, В. В. Козлов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-256-267
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования самоидентификации, этнической идентичности и особенностей трансформации этнической идентичности у выходцев из межэтнических браков. Дается социально-психологический анализ специфики копинг-стратегий поведения у выходцев из смешанных по этническому признаку семей, а также у выходцев из русских и татарских семей.

Ключевые слова: самоидентификация; этническая идентичность; трансформация этнической идентичности; маргинальность; копинг-поведение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифопова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Козлов, Владимир Васильевич | E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
Доктор психологических наук, профессор

Межэтнические отношения являются для России важнейшим элементом социальной и политической реальности. Глобальные социально-экономические, политические и культурные изменения трансформируют этносоциальную реальность. К ее характерным признакам относятся: изменение этнополитических статусов этнических групп; процесс поиска новой адекватной реальности этнической, культурной и конфессиональной идентификации у представителей «титутельных» этносов и этнических меньшинств; рост этнических миграций и осознание необходимости аккультурации в новых культурных и политических условиях и др. [1]. Все это в той или иной степени привело к изменению социальной и этнической идентичности. Этот кризис требует разрешения, т. е. формирования гармонии на новом уровне с учетом изменившейся социальной реальности, удовлетворения потребности индивида в смысле, в понимании нового социального контекста и своего места в социуме.

© Трифонова С. А., Козлов В. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В связи с этим задача изучения этнической идентичности и ее трансформаций в условиях межэтнической напряженности особенно актуальна у молодежи, т. е. поколения, которое будет определять социальное и политическое развитие ближайшего будущего России как полиэтнического государства.

Кроме этого, количество людей, которые одновременно является носителями двух культур, становится все больше. При этом речь идет и о биологической метисации, и о жизни человека, социализация которого проходила в разных культурах, и о деклассированных элементах. Все эти случаи можно отнести к случаям маргинальности. При этом в своем исследовании мы будем исходить из определения маргинальной личности, данного Э. Стоунквистом, согласно которому «Маргинальный человек – это личность, покидающая в результате миграции, брака, получения образования одну группу или культуру. Не найдя приспособления к другой культуре, такая личность оказывается на периферии каждой из культур и не является членом ни одной из них, становясь пограничным человеком» [2]. Какими способами в ситуации социальной изменчивости человек, у которого нет «надежной группы поддержки», справляется с трудными ситуациями в своей жизни, как он их разрешает? На наш взгляд, изучение того, каким образом человеку удастся справиться с жизненными трудностями, к каким стратегиям прибегают люди, чтобы совладать с ними или предотвратить порождаемые ими эмоциональные нарушения, представляет большой теоретический и практический интерес. Выявление особенностей совладающего поведения в разных этнических группах и у выходцев из смешанных браков приблизит нас к пониманию механизмов, способствующих адаптации человека к жизненным ситуациям, в том числе и этническим, динамично меняющегося мира.

Понятие совладания – *coping behavior* – используется для описания характерных способов поведения человека в различных трудных ситуациях. Особое внимание уделяется выделению различных стратегий копинга, оценке их эффективности, формированию представлений о стилях и особенностях совладания представителей различных социальных и психологических категорий. Психологическое предназначение совладающего поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуаций путем овладения, ослабления или смягчения этих требований, тем самым редуцируется стрессовое воздействие ситуаций [3–6].

Особый интерес для нас представляют исследования копинг-поведения у представителей различных этнических групп, в частности маргиналов. Так, А. А. Налчаджян, анализируя типы психологических защит, используемые маргинальными людьми, отмечает, что наиболее часто у маргинальных людей встречается механизм компенсации. Комплекс неполноценности у маргиналов компенсируется комплексом превосходства над другими людьми, хотя у людей данной категории встречаются и другие компенсаторные реакции: люди с разными личностными чертами реагируют на свою маргинальную ситуацию по-разному. Однако формирование у личности нового защитно-адекватного комплекса – комплекса превосходства над другими людьми – типичный случай сложной комплексной самозащиты. Другой за-

щитный механизм, используемый маргинальными людьми, – рационализация. С его помощью они «объясняют» свои конфликты и неудачные попытки стать членом господствующей эталонной группы, весь свой кризисный опыт. Одна из разновидностей рационализации – попытка части маргинальных людей «объяснять» свои трудности своей расовой и национальной принадлежностью. Наконец, агрессия – нередко используемый механизм в поведении маргинальных людей. Часть таких людей стремится к самовыражению и самоутверждению таким образом, что представители господствующего этноса определяют как «агрессивность» и «захватничество» [7].

В связи с этим важно проанализировать, на чем строится поведение в трудных ситуациях у выходцев из межэтнических браков, особенно этнических «маргиналов», которые «живут» в двух этнических культурах, возможно не причисляя себя ни к одной из них. Они часто испытывают внутренний конфликт. Ситуация этнической маргинальности для многих является трудной жизненной ситуацией, с которой они пытаются совладать, справиться, адаптироваться к ней. Этот конфликт создает психологическое напряжение, от которого человек-маргинал пытается избавиться с помощью неосознаваемых защит и сознательных копинг-стратегий.

Таким образом, целью исследования стало изучение особенностей этнической идентичности и ее трансформации, а также специфики копинг- и защитных стратегий поведения выходцев из смешанных по этническому признаку семей в сравнении с выходцами из моноэтнических семей.

В исследовании приняли участие 53 девушки и 37 юношей в возрасте 18–25 лет. Респонденты вошли в три группы: татары (15 девушек, 15 юношей), у которых оба родителя татары; русские (12 девушек, 18 юношей) – выходцы из семей, где оба родителя русские; этнические «маргиналы» (17 девушек, 13 юношей) – выходцы из русско-татарских семей. Работа проводилась в гг. Елабуге, Набережных Челнах и Нижнекамске. Выбирая данную возрастную группу, мы исходили из того, что именно для этого возраста характерна высокая степень готовности к новым образцам поведения и именно этот возраст является ключевым периодом формирования этнической идентичности и, следовательно, усвоения форм поведения, принятых в этносе [8–9].

В исследовании были использованы следующие методики: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?», методика Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» [10, с. 189–194], опросник SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла, а также методы математической статистики (критерий χ^2 Пирсона, сравнение по среднеарифметическим показателям).

Результаты исследования. Ответы по тесту «Кто Я?» были подвергнуты контент-анализу. Основными смысловыми единицами, которые были подвергнуты контент-анализу, были объективные и субъективные социально-психологические характеристики. В число объективных вошли характеристики, связанные с социальным статусом, семейными ролями, полом, то есть с группами людей, к которым либо нельзя не принадлежать, существуя в обществе, либо принято принадлежать. Они разделяются на базовые (общечеловеческая, семейная, половая, возрастная, профессиональная при-

надлежности) и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная) категории. Отдельно выделены специфические объективные характеристики, которые в России за последние десятилетия пополнили число групповых категорий, например беженец, безработный, бомж. В число субъективных характеристик входят самоидентификации, которые являются результатом особых жизненных обстоятельств, личностными признаками, позитивными и негативными самооценками (работяга, труженик, засоня, интернационалист).

Так, общечеловеческие характеристики («Я – человек», «живое существо», «*homo sapiens*») в своих ответах указали 20 % татар, 46,6 % русских и 80 % этнических «маргиналов». Все респонденты исследуемых групп указали семейный статус (все группы 100 %): «дочь», «сестра» или «сын», «муж». Профессиональные характеристики указали 60 % татар, 70 % русских, 50 % выходцев из смешанных браков: «будущий юрист», «педагог», «начинающий медбрат» и т. д. Свою половую принадлежность – «я девушка», «женщина» «мужчина» – обозначили 13 % татар, 30 % русских, 20 %. Среди указавших этническую характеристику – «я татарин», «русский» – 43 % татар, 23 % русских. У выборки выходцев из смешанных браков этническая характеристика не указана вовсе.

При ответе на дополнительный вопрос: «Какой вы национальности?» – все в татарской выборке определили себя как «татарин», «татарка», в русской выборке все назвали себя «русский», «русская». 10 % выходцев из межэтнических браков определили себя как русских, 16,7 % указали свою принадлежность к татарам. 73,3 % затруднились ответить на вопрос. После некоторого раздумья они говорили: «я человек двух наций», «у меня нет национальности», «я не знаю, какой я национальности и, наверное, никто не знает», «я полурусская и полутатарка» и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Процентное распределение показателей исследуемых групп по объективным характеристикам «Я образа»¹

Объективные характеристики	Русские		Татары		«Маргиналы»	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Общечеловеческая («человек», « <i>homo sapiens</i> »)	14	47	6	20	24	80
Семейная («дочь», «сестра», «мать», «сын»)	30	100	30	100	30	100
Профессиональная («юрист», «частный предприниматель», «педагог»)	21	70	18	60	15	50
Половая («девушка», «женщина»)	9	30	4	13	6	20
Этническая («русский», «татарин»)	7	23	13	43	0	-

¹ Остальные характеристики, указанные респондентами, являются субъективными (например, «оптимист», «мечтатель»).

Для ухода от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе или с ее неопределенностью, индивиды могут использовать определенные стратегии: либо подчеркивать личностные особенности, т. е. предпочитать этнической и социальной идентичности личностную идентичность, либо опираться на гражданскую, космополитическую идентичность. Таким образом может быть достигнуто ощущение психологической стабильности и безопасности.

Результаты свидетельствуют именно о такой стратегии поддержания позитивного образа себя: при неясности, невозможности отнесения себя к той или иной этнокультурной группе маргиналы предпочитают выбирать общечеловеческие категории («я человек») и социальные группы, отличающиеся стабильностью и надежностью (семья).

Статистическая обработка методики Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» показала ряд интересных закономерностей (табл. 2).

Таблица 2

Среднеарифметическое распределение показателей типов трансформации этнической идентичности относительно позитивной этнической идентичности (нормы), в баллах, max балл = 25

Типы трансформации этнической идентичности	Выборка татар	Выборка русских	Выборка «маргиналов»
Этнонигилизм	8,7	9,2	7,6
Этническая индифферентность	12,2	16,8	21,6
Позитивная этническая идентичность (норма)	23,2	21,9	19,6
Этноэгоизм	10,1	9,6	9,9
Этноизоляциялизм	10,6	9,4	8,7
Национальный фанатизм	15,2	14,7	9,8

Вполне естественно индивидам демонстрировать позитивную этническую идентичность как норму отношения к собственной и другим этническим группам. Она характеризуется толерантностью и готовностью к межэтническим контактам. Однако это не предполагает эмоциональной однозначности отношений. Так, высокие показатели по данной шкале сочетаются с весьма весомыми оценками по шкале национального фанатизма в русской и татарской выборках. Татарская и русская выборки превосходят выборку выходцев из смешанных браков по показателям национального фанатизма ($X^2=59,1$, $p \leq 0,01$ и $X^2=57,2$, $p \leq 0,01$) соответственно. В группе «маргиналов» высокие показатели позитивной этнической идентичности сочетаются с еще большими показателями по шкале этническая индифферентность. Выборка выходцев из межэтнических браков превосходит русских ($X^2=52,6$, $p \leq 0,01$) и татар ($X^2=63,4$, $p \leq 0,01$) по данному показателю, то есть «маргиналы» стараются не замечать проблемы этнической идентичности, считают их незначимыми. Данное противоречие можно объяснить включением социально-психологических механизмов защиты, вытеснением этнических характе-

ристик из поля социальной идентичности личности и, как следствие, восприятием этнических проблем как незначачих для индивида.

Различия между татарами и русскими ($X^2=53,8$, $p\leq 0,01$) по шкале этнической индифферентности также значимы.

Таким образом, в группе татар более ярко выражено стремление к поддержанию позитивной этнической идентичности. Это стремление является естественным, поскольку позитивная этническая идентичность дает ощущения психологической безопасности, стабильности. Эти результаты косвенно подтверждаются достаточно значимыми показателями по шкале национального фанатизма. О стремлении поддерживать позитивную этническую идентичность говорят и результаты теста «Кто Я?». В татарской выборке наибольшее число респондентов, указавших этническую характеристику (43 %).

Согласно статистическим данным этнотрансформационные процессы в выборке русских и выборке «маргиналов» проходят по типу этнической индифферентности. Выборка русских отличается от татар значениями по шкале этническая индифферентность ($X^2=53,8$, $p\leq 0,01$), «когда люди практически равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений» [11]. Этническая индифферентность русской выборки прослеживается в более редких, по сравнению с татарами, указаниях этнической характеристики (23 %) в тесте «Кто Я?». Маркер этничности заменяется общечеловеческой (47 %), семейной (100 %) и гендерной (30 %) идентичностями, то есть в структуре социальной идентичности этническая идентичность заменяется другими, более значимыми для этих людей в данной ситуации категориями. На наш взгляд, это может быть связано с оценкой титульной группы (татар) как имеющей более высокий статус, чем русская, или с тем, что этническая идентичность в этой выборке является значительно менее актуализированной, нежели другие социальные идентичности [12], потому что в регионе отсутствует ситуация межэтнической напряженности.

Выборка выходцев из межэтнических браков происходит превосходит русских ($X^2=52,6$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=63,4$, $p\leq 0,01$) по показателю этнической индифферентности. Возможно, это связано с тем, что выходцы из межэтнических браков живут в двух разных культурах – русской и татарской и не могут отдать предпочтение какой либо из них. Об этом свидетельствует и то, что 73 % из них не определились со своей этнической принадлежностью.

В. П. Левкович, А. Д. Кузмикайте считают, что немаловажную роль в процессе выбора национальности выходцами из разнонациональных семей играет стремление принадлежать к одной из групп этнического большинства в регионе [13]. Татарстан – республика, в которой существуют две группы этнического большинства – русская и татарская, и, вероятно, поэтому выходцам из смешанных семей трудно выбрать одну национальность из двух. Скорее всего, именно поэтому самосознание у «маргиналов» трансформировались по типу этнической индифферентности – равнодушные к проблеме собственной этничности. Однако количество этнических «маргиналов», ука-

завших свою принадлежность к татарам, больше (16,7 %), чем к русской группе (10 %). Наверное, это связано с тем, что татары – титульный народ и имеет все-таки более высокий статус в обществе. А. Н. Дробижина считает, что принятие той или иной национальности выходцами из смешанных семей отражает не только направление этнокультурных процессов, но и ситуацию в межнациональных отношениях, ибо при принятии решения о выборе национальности людьми играет роль не только самосознание, сложившееся на основе реальной культуры, но и известный общественный престиж нации [14].

«Равнодушие к проблеме этничности» было выявлено и по тесту «Кто Я?», когда никто из выходцев из смешанных браков не указал этническую характеристику. Причиной этого может служить то, что для выходцев из национальных семей этническая идентичность – это реакция на события внешней жизни, а для выходцев из национально-смешанных семей – это часть их внутреннего мира. Она (этническая идентичность) не всегда осознается ими, а иногда, вызывая определенный дискомфорт, даже *подавляется, отодвигается* на подсознательный уровень. Отрицание значимости этнического фактора и этнической принадлежности, по мнению Т. Г. Стефаненко, как в своей жизни, так и в обществе целом является стратегией сохранения личностного благополучия для «маргиналов» [15]. Разные формы подобной стратегии могут проявляться в реструктуризации социальной идентичности. В нашем случае социальная идентичность выходцев из смешанных браков опирается на семейную идентичность (100 %) и идентификацию себя с более большими общностями (80 %) – «я человек», «*homo sapiens*» и др. То есть ситуация этнической маргинальности (по сути, одновременная принадлежность к двум этническим культурам, порождающая двойственное этническое сознание) подталкивает самосознание ее участника к замещению этнической самоидентификации другой социальной идентификацией как вариант ухода от возможного внутриличностного конфликта [16].

Выборки русских ($X^2=57,2$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=59,1$, $p\leq 0,01$) превосходят «маргиналов» по показателю национального фанатизма – идентичность, при которой доминирование этнических интересов и целей сопровождается готовностью идти на любые жертвы. Как нам кажется, это можно объяснить тем, что «маргинал», не зная, к какой этнической группе он принадлежит, не может защищать этнические права народа. Для того чтобы бороться за благополучие своего народа, сначала необходимо идентифицироваться с ним.

Человеку, живущему в инонациональной среде, требуется прилагать гораздо больше усилий, чтобы разобраться, к какой культуре он принадлежит, идентифицировать себя с определенном этносом, чем человеку, живущему в однородной этнической среде, тем более если имеет место принадлежность одновременно к двум этническим культурам.

Согласно результатам, полученным с помощью опросника SACS, татарская выборка отличается предпочтением активных, просоциальных и не-прямых стратегий преодоления, что прослеживается в большей выраженности показателей ассертивных действий (18 %), вступления в социальные

контакты (12,9 %), поиска социальной поддержки (12,3 %) и манипулятивных действий (11,6 %).

Для русской выборки характерно использование просоциальной стратегии в преодолении трудностей. Об этом свидетельствует предпочтение группой таких моделей поведения, как вступление в социальный контакт (13,1 %) и поиск социальной поддержки (11,3 %). Также для этой группы характерно использование в одинаковой мере как активных (ассертивные действия – 13,8 %), так и пассивных (осторожные действия – 12 %, избегание – 10,7 %), прямых (импульсивные действия – 10,7 %) и непрямых (манипулятивные действия – 9,5 %) стратегий преодоления.

Выходцы из межэтнических браков используют для преодоления жизненных трудностей просоциальные, пассивные, прямые и непрямые стратегии. Об этом свидетельствует предпочтение вступления в социальный контакт в 17,3 % случаев, поиска социальной поддержки – в 10,8 %, осторожных действий – в 15,7 %, избегания – 12 %, манипулятивных – 8,4 %, и импульсивных действий – в 8,4 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение среднеарифметических показателей степени выраженности моделей копинг-поведения в исследуемых группах

Стратегии преодоления	Модель поведения (действия)	Степень выраженности преодолевающих моделей поведения					
		Русские		Татары		«Маргиналы»	
		Средн. гр. знач.	Доля, %	Средн. гр. знач.	Доля, %	Средн. гр. знач.	Доля, %
Активная	Ассертивные действия	22	13,8	28	18	16	9,6
Просоциальная	Вступление в социальный контакт	21	13,1	20	12,9	28	17,3
	Поиск социальной поддержки	18	11,3	19	12,3	18	10,8
Пассивная	Осторожные действия	19	12	13	8,4	26	15,7
	Избегание	17	10,7	14	9	20	12
Прямая	Импульсивные действия	17	10,7	16	10,3	14	8,4
Непрямая	Манипулятивные действия	15	9,5	18	11,6	14	8,4
Асоциальная	Асоциальные действия	17	10,7	12	7,8	13	7,8
	Агрессивные действия	13	8,2	15	9,7	17	10

В результате статистической обработки были выявлены значимые различия между татарами и «маргиналами» по субшкале «ассертивные дей-

ствия» ($X^2=56,8$, $p\leq 0,01$), то есть уверенные, активные действия при возникновении трудных ситуаций более характерны для татарской выборки, чем для этнических «маргиналов». Выходцы из межэтнических браков при возникновении стрессогенных ситуаций отдают предпочтение осторожным действиям, об этом свидетельствуют статистические значимые различия между татарами и «маргиналами» ($X^2=52,8$, $p\leq 0,01$) по данной субшкале.

Этнические «маргиналы» превосходят русских ($X^2=49,7$, $p\leq 0,01$) и татар ($X^2=50,1$, $p\leq 0,01$) по показателю вступления в социальный контакт, то есть при возникновении трудностей жизненных ситуаций для выходцев из смешанных по национальному признаку семей характерно положительное использование социальных контактов.

Статистически значимых различий между русской и татарской выборками в использовании моделей преодолевающего поведения не выявлено.

Исследование стратегий и моделей преодолевающего поведения показало, что татарская выборка отдает предпочтение активным, просоциальным и непрямым стратегиям, которые выражаются в ассертивных действиях (18 %), во вступлении в социальные контакты (12,9 %), в поиске социальной поддержки (11,6%) и использовании манипулятивных действий.

По нашему мнению, использование активных ассертивных действий и просоциальной стратегии для преодоления трудностей можно объяснить тем, что татары, являясь титульным народом, чувствуют себя более уверенно в республике. «Татарам и людям, знающим язык (татарский), везде открыты дороги... Татары имеют больше шансов в жизни» [17, с. 2].

На наш взгляд, поддержание позитивной этнической идентичности татарами, которая сопровождается адекватно высокой самооценкой, чувством уверенности, гордости за достижения своего народа, способствует выбору «здоровых» форм преодоления. Активное преодоление в совокупности с положительным использованием социальных ресурсов повышает стрессоустойчивость человека.

Использование не прямых стратегий, возможно, связано с национальной особенностью татар. Так, Е. Хабенская отмечает, что существовавшая веками необходимость приспособляться к тяжелым условиям жизни (когда все смелые бунтари уничтожались, а у остальных формировалось приспособленчество) выработала в татарах такие черты характера, как осторожность и хитрость [16]. Скорее всего, предпочтение не прямых стратегий преодоления трудностей связано именно с этим.

Для русской выборки характерно использование просоциальных и в одинаковой мере как активных (ассертивные действия), так и пассивных (осторожные действия, избегание), прямых и не прямых стратегий преодоления. Возможно, большое количество моделей преодоления у данной выборки можно объяснить тем, что русские, живя в республике в соседстве с титульным народом, имеющим более высокий статус, чувствуют себя несколько уязвимо. Об этом свидетельствуют происходящие у русских этнотрансформационные процессы - этническая индифферентность и «ощущение этнической неполноценности».

Скорее всего, предпочтение большого количества стратегий для преодоления жизненных трудностей русскими связано с оценкой своей этнической группы, как имеющей более низкий статус. Использование большого количества стратегий преодоления помогают им компенсировать свою неуверенность.

Выходцы из межэтнических браков используют для преодоления жизненных трудностей просоциальные, пассивные, прямые и непрямые стратегии.

Для этнических «маргиналов», вследствие *вытеснения* этнической характеристики, типично отождествление себя с семьей и социальной структурой более высокого уровня, т. е. им постоянно необходимо вступать в социальные контакты для снятия личностного противоречия и, возможно, именно этим и объясняется использование просоциальной стратегии преодоления «маргиналами» чаще чем татарами ($X^2=50,1$, $p \leq 0,01$) и русские ($X^2= 49,7$, $p \leq 0,01$).

Различия между татарами и «маргиналами» по субшкале ассертивных действий ($X^2=56,8$, $p \leq 0,01$), согласно которым для татар при возникновении трудных ситуаций более характерно использование уверенных действий, можно объяснить тем, что татары как титульный народ имеют более высокий статус и отличаются позитивной этнической идентичностью, которая характеризуется чувством уверенности, гордости за свой народ.

При возникновении стрессогенных ситуаций выходцы из межэтнических браков отдадут предпочтение осторожным действиям. Об этом свидетельствуют статистически значимые различия между татарами и «маргиналами» ($X^2=52,8$, $p \leq 0,01$). Считается, что для «маргиналов» с их неопределенным статусом и неустойчивым положением характерна внешняя и внутренняя противоречивость и, как следствие, потенциальная поливекторность действий [18]. Возможно, именно этим и объясняется то, что наряду с использованием просоциальной стратегии (вступление в социальные контакты) используются и пассивные стратегии, выражающиеся в избегании и осторожных действий в стрессогенных ситуациях.

Таким образом, используемые татарами, русскими и выходцами из межнациональных семей стратегии преодоления различны.

В заключение отметим, что проблема этнокультурной двойственности, этнической маргинальности имеет огромное значение при изучении процессов межэтнического взаимодействия [19]. Переживание этнической маргинальности у выходцев из смешанных в межэтническом плане браков действительно может стать трудной жизненной ситуацией, требующей совладания с ней. При этом представители различных этнических групп (татары, русские) и выходцы из межнациональных браков используют разные стратегии совладающего поведения. Татары используют просоциальные, активные и непрямые стратегии, русские отличаются большим количеством моделей преодолевающего поведения, маргиналы характеризуются использованием просоциальных, пассивных, прямых и непрямых стратегий.

Ссылки

1. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах // Идентичность и толерантность: сб. статей / отв. ред. Н. М. Лебедева. М., 2002. С. 10–34.
2. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность: сб. статей / отв. ред. Н. М. Лебедева. М., 2002. С. 35–48.
3. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 1, № 1. С. 3–19.
4. Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями: Экономическая социология // СОЦИС. 2002. № 11. С. 26–47.
5. Голованевская В. И. Характеристики Я-концепции и предпочтения стратегий совладающего поведения // Вестник МГУ. Психология. 2003. № 4. С. 30–36.
6. Приходько А. И. Когнитивные факторы совладающего поведения безработных // Психологический журнал. 2001. № 2. С. 109–111.
7. Налчаджян А. А. Этнопсихологическая защита и агрессия. Ереван, 2000. 408 с.
8. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. 208 с.
9. Филиппов Ю. В. Ритмы этнической социализации // Мир психологии. 2002. № 3 (31). С. 118–128.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
12. Сергеева З. Х. Маргинальная личность: Эволюция концепций. Казань, 1998. 20 с.
13. Левкович В. П., Кузминайте Л. Д. Формирование этнического сознания подростка в семье // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 6. С. 35–42.
14. Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР: (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). М.: Мысль, 1981. 261 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003. 320 с.
16. Хабенская Е. Татарский национальный характер: какой он? // Татарский мир. 2003. № 5 URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=211&section=0&heading=0> (дата обращения: 15.02.2021).
17. Ключева Н. Татары и русские... Коротко и ясно // Ленинская правда. 7 июня 2003, № 112 (7961).
18. Сергеева А. О. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104–114.
19. Трифонова С. А. Особенности трансформации этнической идентичности у выходцев из межэтнических браков // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сб. материалов II Межд. науч.-практ. конф., 11 ноябр. 2020 г. Краснодар: КубГТУ, 2020. С. 373–377.